

УДК 342.7

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И БУДУТ ЛИ ОНИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРИНАДЛЕЖАТЬ ЛИЧНОСТИ

© 2018

М. В. Бундин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Высказывается точка зрения относительно существующих тенденций в развитии российского и зарубежного законодательства о персональных данных. Отмечается нарастающее стремление к изменению парадигмы взглядов на роль и значение института персональных данных для защиты интересов личности в условиях появления технологий «больших данных», «искусственного интеллекта», «интернета вещей», а также желания государства упрочить свои суверенные права в пространстве Интернета и усилить контроль за данными пользователей. Осознание государством и бизнесом важности «больших данных», в том числе и персональных данных, как основополагающего ресурса цифровой экономики, потенциально может привести к созданию условий, когда личность уже не сможет участвовать в определении ключевых параметров их использования.

Ключевые слова: персональные данные, «большие данные», цифровая экономика, права личности.

М. В. Бундин

*Старший преподаватель кафедры
административного и финансового права
юридического факультета Нижегородского
государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,
кандидат юридических наук*

За последние несколько десятилетий к проблеме защиты персональных данных обращались огромное количество раз, в самых разных аспектах, и, казалось бы, она давно должна быть исчерпывающим образом изучена. Однако на деле это далеко не так, чему есть множество причин, которые заставляют взглянуть на проблему защиты персональных данных с новых ракурсов.

Во-первых, персональные данные имеют тесную связь с личностью, ее правами и свободами. С учетом того, что институт правового статуса личности эволюционирует в сторону расширения правомочий и признаваемых за ней свобод, вполне объяснимо, почему проблема защиты персональных данных по-прежнему остается в центре внимания. Чем больше развивается информационная сфера, чем глубже информационные технологии проникают в общество, тем большее значение будут иметь права и свободы личности, связанные с информацией.

Во-вторых, появляются новые информационные технологии обработки данных, использование которых способно не только дать ряд несомненных преимуществ для современной экономики, но и создать угрозу неконтролируемого использования данных и, как следствие, нанести вред правам и интересам личности («большие данные», «облачные вычисления», «искусственный интеллект» и др.). Такие технологии часто используются в совокупности для сбора и

обработки данных в единых или объединенных информационных системах, а отказ от их применения означал бы серьезное технологическое отставание от конкурентов.

Россия не является в этом отношении исключением. Новые программные и политические документы все чаще обращают внимание на проблему защиты персональных данных как на приоритетную проблему. Действующая доктрина информационной безопасности ставит проблематику защиты личности в информационной сфере на одно из первых мест, включая проблему обеспечения неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий¹. Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы, откликаясь на вызовы современной технологической революции «больших данных», говорит уже о необходимости сохранения и обеспечения баланса интересов личности, права на личную и семейную тайну при внедрении новых технологий обработки «больших данных». Достичь этого предполагается за счет их хранения на российской территории и передачи только через российских операторов связи, а также путем воспрепятствования незаконному сбору данных о российских гражданах². Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» также содержит в Дорожной карте ряд мероприятий, направленных на обеспечение защиты прав и законных интересов личности в условиях цифровой экономики, в особенности при обработке больших пользовательских данных в социальных сетях и прочих средствах социальной коммуникации³.

Международное сообщество также не остается равнодушным к такой теме⁴. Новый регламент о защите персональных данных ЕС⁵ отмечает необходимость гармонизации и развития мер по защите персональных данных в условиях новых технологических вызовов, возникших уже после принятия знаменитой Директивы 95/46/ЕС⁶. Основополагающую оценку со стороны международного научного сообщества опыта внедрения этого документа еще предстоит дать, учитывая, что он вступил в силу только 25 мая 2018 года⁷.

Несмотря на обилие нормативных и программных документов, которые стремятся закрепить права личности в отношении информации о себе, фактически можно увидеть и совсем иные тенденции, влияние которых постепенно возрастает и в России, и в других странах⁸. Эти изменения вряд ли можно истолковать в пользу прав и интересов личности или

ее информационной безопасности, – скорее наоборот. На это есть свои вполне очевидные причины.

В первую очередь, для современной экономики, основанной на знании и данных, сами данные, в том числе и персональные данные, являются важнейшим, если не сказать неотделимым, ресурсом, без которого не может нормально функционировать цифровая экономика. Идея концептуального противопоставления и противоречия концепций «больших данных» и «персональных данных» уже не раз высказывалась и все больше находит своих сторонников⁹. В действительности к раскрытию и упрощению процедуры получения доступа к персональным данным уже давно и настойчиво проявляют интерес наиболее крупные транснациональные компании¹⁰. В принципе о существовании целого рынка «персональных данных», фактически латентного, позволяет говорить количество крупных разоблачений за последние несколько лет¹¹. Отсюда вполне объясним интерес и стремление этих компаний к легализации уже существующих практик обработки и передачи больших объемов персональных данных и снижению рисков, связанных с законодательными барьерами, которые ими рассматриваются, по-видимому, как досадные препятствия. Именно этим объясняются предложения по монетизации согласий индивидов¹² или о создании банка или единой базы согласий на обработку данных. Суть последнего видится в создании единого реестра согласий индивидов на обработку той или иной категории данных о себе, после чего операторы могут уже не спрашивать его согласия каждый раз перед началом обработки данных или их передачи.

Надо сказать, что своего рода интерес к снижению барьеров защиты информационных прав личности проявляет и государство, которое также стремится больше узнать об индивиде, его личной и частной жизни, получить полный доступ к его персональным данным¹³. Уже сейчас прослеживается четкая и недвусмысленная тенденция к расширению полномочий государства как оператора персональных данных и все большей утрате со стороны индивида прав на них как обладателя. В этой связи нельзя, с одной стороны, отрицать усиление присутствия террористических и экстремистских организаций, как и просто наличие противоправного контента в социальных сетях и Интернете в целом; с другой стороны, вводимые ограничения и правила все больше направлены на усиление контроля над действиями пользователей и сбор данных о них. Впрочем, это касается не только сети

Интернет. Государство уже сейчас вполне осознано пользу «больших данных» и уже давно является одним из самых крупных их операторов, в некоторых случаях осталось лишь сделать несколько шагов для стирания барьеров между различными информационными системами обработки данных. При этом не стоит тут обвинять исключительно Российское государство или говорить об уникальности предпринимаемых им шагов: другие страны также стремятся в открытую или скрытно использовать технологии «больших данных» с большим или меньшим успехом¹⁴, преследуя самые различные цели.

Таким образом, уже сейчас можно говорить о постепенном изменении парадигмы взглядов на проблему защиты персональных данных. В сущности, мы живем сейчас в условиях перехода от концепции информационной свободы личности (при которой личность признавалась абсолютным обладателем данных о себе и количество случаев, когда законодательно была установлена необходимость их раскрытия, было невелико) к обратному процессу, когда личность едва ли может возразить или фактически воспрепятствовать обработке данных. Безусловно, пока следует говорить о начале этого процесса, но тенденция очень отчетлива. Впрочем, Россию вряд ли можно отнести к числу стран со сложившейся и устоявшейся традицией уважения к персональным данным. Собственно, само законодательство о персональных данных в полной мере действует фактически чуть больше 5 лет, и каких-то коренных изменений в правосознании граждан здесь вряд ли стоит ожидать.

С другой стороны, можно предположить и появление иной крайне интересной тенденции, которая отражает стремление государства не только самому накапливать большие персональные данные в государственных или «аффилированных» информационных системах, но и иметь доступ к «большим данным», накапливаемым бизнесом, или как минимум контролировать их¹⁵. По всей видимости, на это также есть ряд вполне объективных причин. Государство во многом осознано теперь «полезность» технологий «больших данных» и ищет пути получения доступа к ним или установления контроля над ними, усматривая в этом часть своих суверенных прав. В действительности, широкая «трансграничность» бизнес-процессов обработки «больших данных» крупными игроками интернет-бизнеса вынуждает государство действовать и пытаться установить контроль над потоками данных, в особенности данных о своих гражданах или лицах, находящихся под его юрисдикцией.

Пожалуй, только этим можно логически объяснить недавние шаги Российского государства¹⁶.

В конечном итоге, пока еще сложно с уверенностью сказать, что ждет институт персональных данных в ближайшей перспективе, но многое уже становится очевидным, о чем свидетельствуют отмеченные выше тенденции. Многое при этом будет зависеть, как ни странно, от позиции международного сообщества. Уже сейчас очевидно, что существенные изменения законодательства о персональных данных в той или иной группе государств могут иметь существенные последствия для других в условиях глобализации экономических связей. Именно этим можно объяснить многочисленные изменения в политике конфиденциальности крупнейших операторов социальных сетей после принятия Регламента о защите персональных данных в ЕС. ■

Библиографический список

1. General Data Protection Regulation (GDPR) 2012 // Официальный Интернет-портал Европейского союза. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2012/EN/1-2012-11-EN-F1-1.Pdf> (дата обращения: 20.09.2018).
2. Jasserand C. Law enforcement access to personal data originally collected by private parties: Missing data subjects safeguards in directive 2016/680 // *Computer Law & Security Review*. 2018. Vol. 34 (1). P. 154–165. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2017.08.002> (дата обращения: 20.09.2018).
3. Malatras A., Sanchez I., Beslay L. et others. Pan-European personal data breaches: Mapping of current practices and recommendations to facilitate cooperation among Data Protection Authorities // *Computer Law & Security Review*. 2017. Vol. 33 (4). P. 458–469. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2017.03.013> (дата обращения: 20.09.2018).
4. Steppe R. Online price discrimination and personal data: A General Data Protection Regulation perspective // *Computer Law & Security Review*. 2017. Vol. 33 (6). P. 768–785. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2017.05.008> (дата обращения: 20.09.2018).
5. Tikkinen-Piri C., Rohunen A., Markkula J. EU General Data Protection Regulation: Changes and implications for personal data collecting companies // *Computer Law & Security Review*. 2018. Vol. 34 (1). P. 134–153. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2017.05.015> (дата обращения: 20.09.2018).
6. Wang Z., Yu Q. Privacy trust crisis of personal data in China in the era of Big Data: The survey and countermeasures // *Computer Law & Security Review*. 2015. Vol. 31 (6). P. 782–792. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2015.08.006> (дата обращения: 20.09.2018).
7. Директива N 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц

при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». URL: <http://base.garant.ru/2569783/> (дата обращения: 20.09.2018).

8. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. N 1. С. 43–67.

9. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. N 646 // Российская газета. 2016. 6 дек.

10. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Российская газета. 2017. 10 мая.

11. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 N 1632-р // Собрание законодательства РФ. 2017. N 32. Ст. 5138.

¹ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. N 646 // Российская газета. 2016. 6 дек.

² Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. N 203 // Российская газета. 2017. 10 мая.

³ Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 N 1632-р // Собрание законодательства РФ. 2017. N 32. Ст. 5138.

⁴ Malatras A., Sanchez I., Beslay L. et others. Pan-European personal data breaches: Mapping of current practices and recommendations to facilitate cooperation among Data Protection Authorities // Computer Law & Security Review. 2017. Vol. 33 (4). P. 458–469. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2017.03.013> (дата обращения: 20.09.2018).

⁵ General Data Protection Regulation (GDPR) 2012 // Официальный Интернет-портал Европейского союза. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2012/EN/1-2012-11-EN-F1-1.Pdf> (дата обращения: 20.09.2018).

⁶ Директива N 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». URL: <http://base.garant.ru/2569783/> (дата обращения: 20.09.2018).

⁷ Tikkinen-Piri C., Rohunen A., Markkula J. EU General Data Protection Regulation: Changes and implications for personal data collecting companies // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34 (1). P. 134–153. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2017.05.015> (дата обращения: 20.09.2018).

⁸ Wang Z., Yu Q. Privacy trust crisis of personal data in China in the era of Big Data: The survey and countermeasures // Computer Law & Security Review. 2015. Vol. 31 (6). P. 782–792. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2015.08.006> (дата обращения: 20.09.2018).

⁹ Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. N 1. С. 43–67.

¹⁰ Steppe R. Online price discrimination and personal data: A General Data Protection Regulation perspective // Computer Law & Security Review. 2017. Vol. 33 (6). P. 768–785. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2017.05.008> (дата обращения: 20.09.2018).

¹¹ Например: NYT узнала о выдаче Facebook данных пользователей создателям гаджетов // РБК. 2018. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/06/2018/5b14f2d79a7947091c20a012 (дата обращения: 20.09.2018).

¹² Вискалин В. Россиянам предложили платить вознаграждение за их персональные данные // Rusebase. 2017. URL: <https://rb.ru/news/prodai-svoi-dannie/> (дата обращения: 20.09.2018).

¹³ Jasserand C. Law enforcement access to personal data originally collected by private parties: Missing data subjects safeguards in directive 2016/680 // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34 (1). P. 154–165. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2017.08.002> (дата обращения: 20.09.2018).

¹⁴ Предсказать преступление: искусственный интеллект учится разыскивать бандитов // Право.ру. 2018. URL: https://pravo.ru/news/200927/?desk_tv (дата обращения: 20.09.2018).

¹⁵ Дуров предал: Telegram пошел на уступки ФСБ // Газета.ру. 2018. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2018/08/28/11928475/telegram_steps_back.shtml (дата обращения: 20.09.2018).

¹⁶ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. N 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» // СЗ РФ. 2014. N 30 (ч. I). Ст. 4243; Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. N 28 (ч. I). Ст. 4558; Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. N 28. Ст. 4559.

NEW TRENDS IN THE REGULATION OF PERSONAL DATA AND WHETHER THEY STILL BELONG TO INDIVIDUALS

M. V. Bundin

Senior lecturer, Department of Administrative and Financial Law, Faculty of Law,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Sciences (Law)

The article examines the existing trends in the development of Russian and foreign legislation on personal data. The author notes the growing desire to change the existing paradigm of views on the role and importance of personal data protection for human rights in the situation when new technologies emerge: «big data», «artificial intelligence», «Internet of things», and when the State wants to strengthen its sovereign rights in the Internet space and to have more control over users' data. The awareness on the part of the state and business of the importance of «big data», including personal data, as a fundamental resource for the digital economy can potentially lead to the creation of conditions where individuals will no longer be able to participate in determining key parameters for the use of such data.

Keywords: personal data, big data, digital economy, individual rights.